

САМВЕЛ КАРАБЕКЯН

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЕГМЕНТОВ С ТАНВИНОМ В АРАБСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Обращение к гносеологическим основам арабской языковедческой традиции и разработка на этой основе системы описания в терминах современной лингвистики и с учетом достижений тех или иных ее дисциплин (в частности, морфологии) создает предпосылки для дополнительного рассмотрения ряда проблем, связанных со структурой арабского слова.¹

Особенности строения основ и словоформ арабского литературного языка приводят к тому, что их анализ непосредственно в терминах согласных и гласных фонем и экспонируемых ими морфем не всегда оказывается достаточным без дополнительного обращения к содержательной природе и функционированию традиционного элемента лингвистического описания, принятого в арабской грамматической теории харфа.² В контексте традиционной системы анализа последний предстает той узловой промежуточной единицей, через которую преломляются языковые функции согласных и гласных фонем. Возникает система их опосредованного (через харф) участия в формировании экспонента морфологически значимых единиц. В этой системе языковое содержание согласных и гласных фонем определяется их функцией выражения значений *jaḡs* (звучание) и *ḥaraka* (движение), комбинация которых служит формой харфа, а степень и форма экспликации этого содержания в пределах харфа определяет закономерности функционирования последнего в

качестве минимальной единицы словообразовательного плана.

В таком своем качестве харф определенным и непротиворечивым образом описывает все значимые формы, иначе говоря, любая такая форма, как правило, без остатка членится на харфы. Проблема возникает лишь при членении конечных сегментов именных форм, содержащих нунацию (танвин) и словоизменительные показатели, которые описываются в терминах не харфов, а их интегрантов—гласных компонентов.

Так, например, в именной форме *tu.da.r Ø .ri.suḥ* членение конечного сегмента *suḥ* на харфы наталкивается на серьезное препятствие, связанное с возникновением морфемной границы внутри харфа *su*, в гласном компоненте которого локализуется словоизменительное значение. Следующий за тем танвин также традиционно рассматривается в качестве субхарфной единицы, хотя очевидно, что в просодическом отношении он воспринимается как самостоятельный харф.

Тем самым морфологическое строение танвинных сегментов определенным образом диссонирует с основополагающим принципом осново- и словообразования в арабском литературном языке.

В данной статье делается попытка определить глубинный механизм формирования таких сегментов на основе анализа морфонологических процессов, затрагивающих конечный харф основы и морфемы, реализуемые в следующих за ним морфонологических позициях.

Предположение о возможности таких процессов основывается на целом ряде фонологических и морфологических данных. К их числу, в частности, относится заметное сходство между танвинным сегментом *-uḥ* и последовательностью морфем *Øu + na* в соответствующих формах множественного числа (ср., например, *tu.da.r Ø .ri.suḥ* и *tu.da.r Ø .ri.su Øu,na*). Внешнее сходство, а также функциональная родственность компонентов обоих сегментов (ср. -u (ед. ч.)

и - Zu (мн. ч.) — словоизменительное значение $\text{ra}f$: танвин (ед. ч.) и нун (мн. ч.) — исходное значение раздельности именной формы) проливают определенный свет на природу возникновения танвинных сегментов, имеющую, безусловно, морфонологический характер: реализация примыкающих к основе морфологических позиций соответствующими формальными показателями создает на этом участке именной формы опеределенную, «напряженность» фонологического (ритмико-просодического) характера, вследствие чего возникает ситуация «наложения морфов»,³ приводящая к образованию танвинного сегмента. Направление такого морфонологического процесса можно представить в следующем виде:

$$\text{mu.da.r}\emptyset.\text{ri.sun} < \text{mu.da.r}\text{Z}.\text{ri.s} [\text{u} + (\text{Zu.n}\emptyset)],$$

где: $\text{p}\emptyset$ — морфема с исходным значением раздельности
 Zu — морфема со словоизменительным значением $\text{ra}f$
 $\dots\text{u}$ — субморф, незначимый элемент, выделяемый в составе основы в силу его вовлечения в морфонологический процесс, обусловленного фонологическим окружением.

Танвинный сегмент возникает в результате наложения морфов Zu и $\text{p}\emptyset$ и своеобразного сращения их с основой, представляя собой алломорф не одной морфемы, а морфемосочетания $\text{Zu} + \text{p}\emptyset$. В основе такого наложения лежит фонологическая (ритмико-просодическая) невозможность соположения в речи двух неполных морфов ($\text{ZV} + \text{C}\emptyset$). Возникающий при этом «амальгамированный» вариант морфемосочетания (реализация двух морфем в одном морфе), разумеется, лишен внутренних границ. Морфологические границы восстанавливаются лишь в такой отрезке, где реализуются раздельные алломорфы каждой из морфем. Тем самым вопрос о «морфемном членении» конечного харфа основы лишается смысла.

При анализе именных форм типа $\text{mu.da.r}\emptyset.\text{ri.su.Zu.na}$ конечная часть которых, на первый взгляд, представляет собой то же сочетание морфем, что и исходно в форме mu.da .

г. $\emptyset r i . s i n (\emptyset u + n a$, функционально равное $\emptyset u + n \emptyset$) возникает вопрос, почему здесь не происходит аналогичного «свертывания»? Это, на наш взгляд, обусловлено совершенно иным, фонологическим контекстом, определяющим иное направление и характер морфонологического процесса.

$$m u . d a . r \emptyset . r i . s u . \emptyset u . n a < m u . d a . r \emptyset . r i . s [u + (\emptyset u l + \emptyset u 2)] > > \emptyset u + n \emptyset > n a],$$

где: $\emptyset u l$ — морфема со значением мн.ч.

$\emptyset u 2$ — морфема со словоизменительным значением гат.

$n \emptyset$ — морфема со значением раздельности.

Здесь, как можно видеть, также происходит наложение морфов, при котором морфемосочетание $\emptyset u + \emptyset u$ реализуется в одном морфе $\emptyset u$. Невозможность дальнейшего «свертывания» приводит к другому варианту избежать запретного соположения $\emptyset V + C \emptyset$ — трансформации $C \emptyset > C V$ (в нашем случае — $n \emptyset > n a$).

Аналогичная картина и в форме $m u . d a . r \emptyset . r i . s i . \emptyset l . n a$:

$$m u . d a . r \emptyset . r i . s i . \emptyset l . n a < m u . d a . r \emptyset . r i . s [u + (\emptyset u + \emptyset l)] > > \emptyset l + n \emptyset > n a],$$

где: $\emptyset u$ — морфема со значением мн.ч.

$\emptyset l$ — морфема со словоизменительным значением гат.

$n \emptyset$ — морфема со значением раздельности.

Здесь происходит наложение морфов $\emptyset u + \emptyset l > \emptyset l$ с возникновением «амальгамированного» морфа (под воздействием которого субморф... и принимает форму ...l), а также обычная в данном морфонологическом контексте трансформация $n \emptyset > n a$.

Запрет на третью словоизменительную форму в этих случаях, как известно, справедливо связывается с возникновением совпадения морфем в позиции выражения числа и словоизменительного значения (в обоих случаях — алиф). Морфонологический анализ дает возможность выявления механизма такого совпадения.

Для потенциальной, нереализуемой формы mansub мн. ч. он выглядит следующим образом:

$$\begin{aligned} \text{mu.da.r}\emptyset.\text{ri:s} [u > a + (\emptyset u + \emptyset a) > \emptyset a + n\emptyset > ni] > \\ > \text{mu.da.r}\emptyset.\text{ri.sa}\emptyset a.ni, \end{aligned}$$

где: $\emptyset u$ — морфема со значением мн. ч.

$\emptyset a$ — морфема со словоизменительным значением pasb,

$n\emptyset$ — морфема со значением раздельности.

Для реализуемой формы marfu дв. ч.

$$\begin{aligned} \text{mu.da.r}\emptyset.\text{ri:s} [a + (\emptyset a + \emptyset u)^t > \emptyset a + n\emptyset > ni] > \\ > \text{mu.da.r}\emptyset.\text{ri.sa.}\emptyset a.ni, \end{aligned}$$

где: $\emptyset a$ — морфема со значением дв. ч.

$\emptyset u$ — морфема со словоизменительным значением raf,

$n\emptyset$ — морфема со значением раздельности.

Невозможность третьей словоизменительной формы в дв. ч. также связана с тем, что морфонологический процесс приводит к ее материальному совпадению с прямой словоизменительной формой.

Ср.:

дв. ч., реализуемая словоизменительная форма marfu:

$$\begin{aligned} \text{mu.da.r}\emptyset.\text{ri:s} [a + (\emptyset a + \emptyset u) > \emptyset a + n\emptyset > ni] > \\ > \text{mu.da.r}\emptyset.\text{ri.sa.}\emptyset a.ni, \end{aligned}$$

дв. ч., нереализуемая словоизменительная форма mansub:

$$\begin{aligned} \text{mu.da.r}\emptyset.\text{ri:s} [a + (\emptyset a + \emptyset a) > \emptyset a + n\emptyset > ni] > \\ > \text{mu.da.r}\emptyset.\text{ri.sa.}\emptyset a.ni. \end{aligned}$$

Рассмотренные здесь морфонологические процессы сопутствуют (а возможно, являются одной из причин) возникающей избыточности категории словоизменения в арабском языке.⁵ Ведь образующийся при наложении морфов сегмент -in в силу своего «выпадания» из системы легко

свертывается дальше до нуля, а во второй подсистеме выражения словоизменительных значений в совокупности значений, выражаемых в позиции «амальгамированного» морфа, доминирует семантика числа (в разговорной речи, например, где категория словоизменения нейтрализована, употребляются варианты с морфом \emptyset_1 , связанным не с исходным значением числа, а восходящим к морфеме со значением словоизменения).

В заключение хотелось бы отметить, что, говоря о рассмотренных морфонологических явлениях, следует иметь в виду, что речь идет прежде всего о синхронных процессах, а не исторических деривациях. В них можно выделить два уровня: глубинный, где действуют правила построения ритмико-просодических схем (они лежат в основе наложений типа $\emptyset_i + \emptyset_i > \emptyset_i$; $\emptyset_i + n\emptyset > n\emptyset$ и т. п.), и поверхностный, где действуют правила «озвучивания» заданных ритмических позиций (они лежат в основе трансформаций $pa > pi$ и т. п.), обеспечивающие большую вариативность и продуктивность исходно ограниченного числа ритмико-просодических схем.

Эти проблемы связаны с углубленным анализом морфонологических процессов и заслуживают особого рассмотрения.

SAMVEL KARABEKIAN

THE ANALYSIS OF THE „TANVIN“-ENDING OF LITERARY ARABIC

The article deals with the internal mechanism of „tanvin“-ending through the analysis of morphonological processes regarding the morphemes in the stem and in following morphological positions.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Автор считает, что применительно к анализу арабского текста было бы вернее избегать оперирования термином «слово», как ввиду неоднозначности.

начности самого термина (применительно к арабскому языковому материалу см. об этом, например: *Габучан Г. М., Ковалев А. А.* О проблеме слова в свете фактов арабского литературного языка.—В сб.: Арабская филология М., 1968, с. 40—51.), так и (что более важно) в силу того, что языковые единицы, традиционно воспринимаемые как глагольные словоформы, представляют собой предикативные структуры. Тем не менее, исходя из необходимости не перегружать данное изложение терминологическим анализом, здесь используется общепринятый понятийный аппарат.

² Относительно интерпретации этого понятия см.: *Габучан Г. М.* К вопросу о структуре семитского слова (в связи с проблемой «внутренней флексии»).—В сб.: Семитские языки, вып. II, ч. I, с. 114—127.

³ О положении морфов см.: *Кисевич В. Б.* Морфонология. Л., 1986. с. 74—83.

⁴ Морфонологические трансформации типа $\text{Su} > \text{Sa}$ в определенном фонетическом окружении известны. См., например: *Сегаль В. С.* К фонологической характеристике долгих гласных в литературном арабском языке.—В сб.: Семитские языки, вып. II, ч. II, с. 451—458).

⁵ См. об этом: *Габучан Г. М.* Уровневая концепция и арабское словоизменение.—В сб.: Вопросы теории современного литературного арабского языка. Лейпциг, 1988, с. 193—213.